

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (ETHNO & CULTURAL SOCIOLOGY)

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-3-38

УДК 008.009

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ВЛАСТИ В ТРАКТАТЕ КАСТИЛЬОНЕ «ПРИДВОРНЫЙ»

Шейпак С.А.

Целью данного исследования является показать, что трактат Б. Кастильоне «Придворный», написанный в XVI веке, должен рассматриваться как один из источников риторической традиции, в которой сформировалось представление о дискурсе власти в европейской культуре. В трактате была заложены многие идеи, развиваемые в современном дискурс-анализе.

Во-первых, идея об институционализации дискурсивных практик, на основе которых формируется дискурс власти. Риторическая структура речевого взаимодействия придворных между собой и придворных с Государем, лежащая в основе европейского дискурса власти, стала выражением ренессансного риторического идеала. Главной темой трактата стали поиски этого идеала, в результате которых идеальный Придворный и идеальный Государь будут формироваться дискурсивным образом. Таким образом, в дискурсе власти на первый план выходят две проблемы управления, ключевые для эпохи Возрождения, проблема управления государством и управления собой.

Во-вторых, трактат показывает роль людического компонента, характерного для эпохи Возрождения в формировании дискурса власти в Европе. Игровой элемент придворных дискурсивных практик приводит к тому, речевое взаимодействие приобретает ритуальную структуру, которая не только формирует социальную структуру общества, но способствует самоидентификации всех участников речевого взаимодействия.

И, наконец, отсутствие Государя среди участников бесед, на основе которых построен трактат, демонстрирует идею об отсутствии субъекта дискурса власти,

развиваемую во французской традиции дискурс-анализа. Однако его отсутствие приводит к тому, что неукоснительно соблюдаемые ритуалы взаимодействия становятся основой институционализации дискурса власти, что определяет его характерные черты в европейской традиции.

Ключевые слова: *дискурсивные практики; дискурс власти; риторическая структура; ритуальная структура; людический компонент взаимодействия.*

DISCURSIVE REPRESENTATIONS OF POWER IN «THE COURTIER» BY B. CASTIGLIONE

Sheypak S.A.

The purpose of the research was to prove that a book by Baldassare Castiglione «The Courtier» created in the 16th century, should be considered as one of beginnings of the rhetorical tradition which contribute to form the discursive representations of power in European culture. Some ideas developed in modern discourse analysis were formulated by Castiglione.

Firstly, the institutionalization of discursive practices that formed power discourse. Rhetorical structure of communications among courtiers reflects renaissance rhetorical ideal and has been implicated since then in European power discourse. The main subject of the book is the quest of the ideal which discursively forms both, the perfect courtier and the perfect Prince.

Thus two problems became essential for renaissance power discourse, state government and self-government as self governing practices.

Secondly, Castiglione reveals how ludic component distinctive for renaissance interactions participates in power discursive practices. Ludic aspect of discursive practices involves ritual character of courtier's interactions. The ritual structure of discursive practices assigns construction of social structure and self- construction of all participants of interactions.

At last, the absence of the Prince in courtier's interactions in the book denotes the idea of a speaking subject in power discourse which is supposed as «decentred» in French tradition of discourse analysis. However his absence involves correct maintenance of rituals which institutionalize power discourse in European culture.

Keywords: *discursive practices; power discourse; rhetorical structure; ritual structure; ludic component of interactions.*

В трактате «Придворный» Балтассар Кастильоне одним из первых в западноевропейской традиции рассмотрел двор как модель идеального общества, где формировался дискурс власти, который по М. Фуко «перевозит на себе и производит власть» [12, с. 201]. Итальянцы, опередив французов, в XVI веке первыми дали определение лежащего в основе этого дискурса государственного интереса как знания «о средствах, способных основывать, сохранять и увеличивать ... господство *[над людьми]*» [12, с. 251]. Трактат определил двор через описание речевых механизмов его функционирования как идеальную институциональную структуру, структуру власти, которая останется на несколько веков центром притяжения и вершиной культурной жизни Европы [19, с. 405]. Кастильоне показал дискурсивный путь формирования этой структуры, которая, в свою очередь, зеркальным образом формирует идеального придворного. Причем для современного прочтения этого трактата важен именно риторический ракурс этого взаимного формирования. Если века, отделяющие нас от эпохи Возрождения, сделали для нас менее значимыми важные для XVI века дебаты о благородстве происхождения придворного, его образованности, занимающие важное место в трактате [4, с. 37], то проблемы риторического «вежества», ритуальной риторической структуры, неукоснительно соблюдаемой в дискурсе власти в европейской традиции с тех пор, остаются актуальными и сегодня.

Трактат Кастильоне и развитие риторической традиции

Во Франции принято связывать возникновение ритуала социальных отношений с XVI веком, эпохой Возрождения [22, с. 3]. В силу, прежде всего, династических и политических обстоятельств это было время интенсивного итальянского влияния во французской культуре. Париж никогда до этого не блиставший эlegantностью среди европейских столиц в течение этого века монополизировал право законодателя моды во всех областях, лишив его Венецию, Лондон и Амстердам [8, с. 10]. Трактат итальянца графа Каситьона, как при жизни называли его автора при французском дворе, был известен во Франции с момента его создания в 1528 году. Знакомство с ним предписывалось всякому, кто рассчитывал преуспеть в светской жизни. Первый его перевод был выполнен при дворе Франциска I уже в 1537, а при Генрихе III трактат был переведен вновь [9, с. 67]. В дальнейшем во Франции судьба к этому тексту была не столь благосклонна. Он был забыт до второй половины XX века, если не считать перевода, который Жан-Батист Дюамель создал в 1690 году, отполировав оригинальный текст согласно нравам, царившим при дворе Людовика XIV и жестким требованиям католической цензуры [9, с. 68]. Трактат не получил посвящения Франциску I, как это первоначально задумывал сам автор, лишь в силу политических причин. Хотя в самом тексте устами придворных восхваляются

не только благородство, элегантность манер и естественная свобода, царившие уже тогда при французском дворе, но и сам Франциск, чье величие намного превосходило, по их мнению, величие его королевства [6, с. 81; 133].

В своем трактате Кастильоне, служивший всю свою жизнь при дворах герцогств Милана, Мантуи, Урбино, побывавший с дипломатическими поручениями в Риме, Англии, Испании, воевавший на стороне французской армии за королевство Неаполитанское, следует уже сформировавшейся итальянской традиции *Quattrocento* [14, с. 74]. До Кастильоне Колуччо Салютати, Леонардо Бруни, Бернардин Сиенский, Маттео Пальмиери, Леон Баттиста Альберти, Поджо Браччолини, Пьетро Паоло Верджерио уже рассуждали о воспитании современного человека, о его физических и моральных качествах, о талантах необходимых ему во взаимоотношениях с Государем, об искусстве беседы, предполагавшей владение языковой игрой, о роли и достоинстве женщины в обществе, о психологии любовных отношений. Однако, в отличие от своих предшественников, Кастильоне, развивая идеи Паоло Кортезе и Диомеда Карафа, ставит вопрос о том, как воспитать совершенного Придворного. У Карафа он заимствует и разовьет вечную дилемму придворного перед необходимостью выбора между «быть» и «казаться», «притворяться» и «скрывать». Кортезе опишет кодифицированное до мельчайших деталей поведение при папском дворе Кардинала, который благодаря аристократическому самообладанию и взвешенному расчету, станет прообразом Придворного Кастильоне [18, с. 292].

Как утверждает переводчик современной французской версии трактата А. Понс, уникальна для своего времени обращенность Кастильоне к античной философской и риторической традиции, которая при многочисленности и тематической пестроте итальянских источников его трактата определила его композиционную и структурную цельность [20, с. 412]. Понс отмечает, что трактат находится под сильным влиянием Цицерона, прославляющего идеального оратора, риторики Аристотеля и Квинтилиана, размышлявших о способах воздействия на слушателей, «Никомаховой этики» и «Политики» Аристотеля, «Моралий» Плутарха и «Пира» Платона. Именно это классическое наследие позволило Кастильоне понять, как речь современного ему человека может, благодаря искусству и дисциплине, стать наиболее совершенным образцом придворных нравов.

Трактат Кастильоне и риторический идеал Возрождения

Поиск идеала Придворного, вокруг которого выстраивает все свои диалоги Кастильоне, пути достижения этого совершенства является ключевыми темами трактата. Как показывает С.С. Аверинцев, идея «*uomo universale*» вошла в эпоху Ренессанса «через старую дверь – дверь

риторического идеала» [1, с. 358]. С.С. Аверинцев противопоставляет античный философский подход, идущий в глубину, ренессансному, отличающемуся широтой охвата, ориентированному на человека, который все умеет, все знает, хочет попробовать себя во всем. Этот последний подход он и называет риторическим, поскольку Цицерон восхвалял ритора, умеющего говорить обо всем, дилетанта в том смысле, что его интересует «все», то есть «не самососредоточение, а саморазвертывание личности» [1, с. 359]. Ораторское искусство как свободное и «божественное» стало тем идеалом, к которому начинают стремиться в эпоху Возрождения не «свободные» искусства – живопись, ваяние, зодчество. Из этого идеала родился новый, ренессансный тип человека, совмещающий в себе дар словесности и художественное мастерство [1, с. 356]. Но Кастильоне, продолжая и развивая эту ренессансную традицию поиска совершенства, придает ей новую форму. Его не интересует поиск *uomo universale* вообще, он хочет понять лишь, каков идеал современного ему Придворного.

М. Фуко утверждает, что в XVI веке проблема «правления» возникает в широком смысле, поскольку проблематика управления того времени затрагивает не только поведение правителя, но и управляемого, а также цели, методы и пределы управления [13, с. 109]. С одной стороны, встает проблема осуществления властителем управления государством, но с другой стороны, проблема управления собой, то есть самоконтроля, как со стороны управляемого, так и со стороны правителя [13, с. 108]. Рассматривая семантические изменения в значении глагола «управлять», Фуко говорит, что по сравнению со средневековьем, когда этот глагол покрывал широкое семантическое поле управления людьми, в XVI веке он приобрел новое политическое значение управления государством, территорией или политической структурой [13, с. 145]. Таким образом, Фуко считает, что семантические сдвиги, начавшиеся с Возрождением в значении глагола «управлять» отражают начало процесса создания нового, современного государства, в котором политическая практика приобретает обдуманый и рассчитанный характер. Философским основанием для создания нового государства становится забытая в Средневековье и вновь обретенная функция античной философии, состоявшая в поиске ответа на вопросы, как в поисках истины вести себя подобающим образом по отношению к себе, к другим, к суверену. Гуманисты, отвергая схоластическую науку, возвращаются к философии, которая по выражению Петрарки, «учит жить» [5, с. 44]. Как утверждает Фуко, именно в этот период в философии появляется новая тема. Речь идет о создании самого «правителя, отправляющего свой суверенитет по отношению к своим подданным», от которого теперь требуется то, что не было востребовано в Средние века, где все вершил Бог – искусство управлять людьми [13, с. 250].

Кастильоне, возрождая в XVI веке античную философскую традицию, задался этими вопросами, посвятив свой трактат теме взаимоотношений правителя и Придворного, их самовоспитания и взаимного воспитания. В отличие от Макиавелли, который в «Государе» ведет речь не об искусстве управления, а лишь о защите власти, о том, как действовать, чтобы ее не лишиться, Кастильоне описывает, по выражению Фуко, «совокупность практик, которые действительно были причиной того, что государство стало способом управления, способом действия» [13, с. 291].

Ритуалы дискурсивных практик в трактате Кастильоне

Трактат не ставит целью создать законченный портрет совершенного Придворного. Кастильоне вкладывает в уста своих персонажей-придворных диалоги, в которых те рассуждают об идеале Придворного, и их высказывания не только оговаривают и тем самым создают его образ, они сами себя определяют в этих же высказываниях, вступая в герменевтический процесс самоидентификации [3, с. 212]. Они участвуют в двойной игре, соединяющей игру светской беседы, в которой порой ради удовольствия произносится ровно обратное тому, что ожидается [6, с. 35], с игрой самооговаривания, надевания масок и представления себя, «игрой о Придворном» [6, с. 3; 100]. Как определит в XX веке такой процесс выстраивания своей идентичности во взаимодействии Э. Гоффман, на образ говорящего, складывающийся из мозаики экспрессивных значений всего потока происходящих в ходе контакта событий, накладывается образ игрока в ритуальной игре коммуникации [15, с. 31]. Людическая тональность, выбранная Кастильоне, это не просто дань ренессансной моде. Например, Маргарита Наваррская не сможет или не захочет ее сохранить в диалогах «Гептамерона» [11, с. 148], хотя тема перипетий во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, в основе которых лежит игровой элемент, так же как и у Кастильоне, там является важнейшей. У Кастильоне эта тональность является следствием той роли, которую этикет как набор установленных правил и вежливость как искусство использовать эти правила играют в создании дискурса придворной жизни. Игра становится единственным свободным занятием людей благородных по рождению, к которой не могут быть допущены те, кто из-за низости своего происхождения занимается торговлей или физическим трудом. Игра составляет единственный достойный способ ведения политических и военных дел. Метафора игры, словесной и любовной, как символа досуга людей праздных и благородных, а, следовательно, свободных, унаследована Кастильоне из средневековых куртуазных трактатов [10, с. 398]. Причем уже тогда, в XII веке, как утверждает Ж. Дюби в «Трехчастной модели», чем более были сложны правила игры, заданной норма-

ми придворного этикета, тем с большим интересом в нее вступали придворные, для которых в игре было единственное развлечение в праздности и основной способ подчинения власти Государя [10, с. 401]. Так юридический характер придворного дискурса становится частью незыблемого придворного этикета.

Двор представлен в трактате как иерархическая политическая структура, символизирующая одновременно государство и территорию. А Государь является основной инстанцией его институционализации и легитимации [5, с. 47]. В ходе диалога между государем и его придворными, в ходе инсценируемых и контролируемых королем столкновений между придворными формируются дискурсивные практики власти, рождается европейская политическая культура. Ритуальной структура придворных дискурсивных практик становится, в первую очередь, поскольку совершенство формы Придворному вменяется в обязанность в столь же значительной степени, как совершенство содержания. Иначе, если бы основным было требование благоразумности, добропорядочности и добродетельности, то такого совершенства можно ждать от совершенного человека, но не Придворного [6, с. XIX].

Субъект дискурса власти в трактате Кастильоне

Сам Государь, без которого ни двор, ни сам Придворный не существовали, на страницах книги не появляется вовсе. Но дискурсивные практики, конституирующие Придворного, зеркальным образом одновременно создают Государя [6, с. 128]. Отсутствие Государя среди беседующих о нем придворных позволяет утверждать, что в XX веке Кастильоне мог бы стать адептом идеи об отсутствии субъекта в дискурсе власти. Эта идея была сформулирована основоположниками французской школы дискурс-анализа Л. Альтюссером и М. Фуко, [17, с. 14]. Государь, будучи институциональным началом придворных практик, дискурсивно формируется в трактате не самостоятельно, а лишь как отражение дискурсивного аристотелевского этоса Придворного [2]. Те добродетели, которыми совершенный Придворный должен быть наделен от природы, причем не столь уж важно благородство его происхождения [6, 39], не позволяют ему не только потакать порокам Государя, но заставляют его противиться его недостойному поведению. Совершенному придворному предписывается оставить свою службу у не внявшего его добродетельным советам Государя, покрывшего себя бесчестьем, чтобы искать себе иного, более достойного господина [6, с. 135]. Следуя античной традиции, Кастильоне, рассуждая о добродетелях правителей, показывает, как наделенный природными добродетелями и *spezzatura* (раскованностью) в обращении с Государем Придворный должен своими речами побудить его к благоразумным и справедливым деяниям, дарующим почет и славу у поддан-

ных [6, с. 332]. Увлечшись словесной игрой в рассуждениях о многочисленных достоинствах Придворного, собеседники даже высказали сомнение в том, что своими качествами он может уступить Государю. Понимая, что нельзя поставить даже совершенного Придворного выше Государя, его уподобили точилу, которое способно сделать клинок острым, но никогда не сравнится с ним в изяществе удара [6, с. 373]. Так Государь, и лишь он, слушая наставления своего мудрого Придворного, обладает всеми необходимыми достоинствами, властью и величием, чтобы их воплотить в жизнь.

Соблюдение ритуального характера языковой игры, «игры о Придворном», разыгрываемой самими придворными и подчиненной придворному этикету, приводит к тому, что никто из говорящих не обладает правом высказывать истину. Это исключительное право могло бы принадлежать Государю, но его отсутствие как субъекта дискурса власти приводит к тому, что истина не высказывается, а дискурсивно выстраивается. Отсутствие Государя как субъекта этого дискурса власти вовсе не мешает его институционализации, поскольку он строго подчинен ритуалам речевого взаимодействия Государя с придворными и придворных между собой. Их дискурсивное взаимодействие придает придворной беседе, облеченной в форму словесной игры, статус, закрепленный за ней этимологически. Лишь с конца XVII века словарь закрепляют за глаголом *converser*, заимствованным из латыни, несвойственное ему до этого значение *беседовать*. Историки языка предполагают, что именно в первом переводе трактата Кастильоне в XVI веке он был первый раз употреблен в этом значении [16]. Тогда как его этимологическое значение восходит к латыни и означает «*жить совместно*».

Таким образом, придворная светская беседа, которая обрела во Франции в век классицизма статус искусства, способствовала формированию в XVI веке дискурса власти. Трактат Кастильоне показывает речевые стратегии, придавшие в западноевропейской традиции этому дискурсу актуальную до сегодняшнего дня ритуальную структуру, важным элементом которой стал людический компонент. Если исходить из утверждения Э.П. Орланди о том, что в дискурсе идеология является принуждением к интерпретации, то ритуал, превращающий беседу одновременно в искусство и игру, становится идеологическим процессом, создающим форму принуждения к лишь одной из всех возможных интерпретаций, которая в этом случае будет представляться как единственная [20, с. 92]. Трактат показывает, как ритуал становится одним из фундаментальных принципов функционирования идеологии в дискурсе власти в западноевропейской традиции. Если рассматривать не экономический, а лишь идеологический аспект приговора, который Ги Дебор вынес западному обществу, назвав его «обществом спектакля»

[7], то можно говорить, что театрализованность является закономерной чертой современного общества, унаследованной им от эпохи Возрождения. Поэтому отработанные веками ритуалы взаимодействия в дискурсивных практиках власти, с одной стороны, создают ощущение постоянно воспроизводимого спектакля, а с другой стороны, часто лишают его участников права импровизации.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура возрождения / Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 347-363.
2. Аристотель. Риторика. Античные риторика. 1978. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (дата обращения 15.01.15).
3. Брагина Л.М. От этикета двора к правилам поведения средних слоев: «книга о придворном» Бальдассаре Кастильоне и «Галатео, или о нравах» Джованни Делла Каза // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. [Под ред. Н.А. Хачатурян]. – М., СПб: Алетейя, 2001. С. 196-214.
4. Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. – М.: ОГИ, 2008. 440 с.
5. Anheim E. Culture de cour et science de l'État au XIVe siècle // La Science de l'État, Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 2000, no. 133. Pp. 40-47.
6. Castiglione B. Le Livre du Courtisan. Paris: Flammarion, 1999. 404 p.
7. Debord G. La Société du Spectacle. – Paris: Gallimard, 1996. 224 p.
8. Dejean J. Du style. – P.: Bernard Grasset, 2006. 315 p.
9. Devincenzo G. Le Livre du Courtisanen France aux XVIe et XVIIe siècles // Tradurre. Bari: B.A. Graphis, 2007. Pp. 65-75.
10. Duby G. Les trois ordres ou imaginaire du féodalisme. – Paris: Gallimard, 1978. 428 p.
11. Febvre L. Autour de l'Heptaméron. Amour sacré, amour profane. – Paris: Gallimard, 1944. 323 p.
12. Foucault M. Histoire La volonté de savoir. – Paris: Gallimard, 2006. 144 p.
13. Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977-78). – Paris: Gallimard/Seuil, 2004. 435 p.
14. Garin E. L'Éducation de l'homme moderne. La pédagogie de la Renaissance (1400-1600). – Paris: Hachette, 2003. 270 p.

15. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. – New Jersey: Aldine Transaction, 2005. 280 p.
16. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. 2005. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/converser> (accessed January 25, 2015).
17. Jørgensen M. Phillips L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: Sage, 2002. 229 p.
18. Lemaitre N. Quand les cardinaux inventent le pouvoir culturel // *Histoire et littérature de l'Europe du Nord-Ouest*. 2009, no.40. Pp. 289-301.
19. Montandon A. *Pour une histoire des traités de savoir-vivre en Europe*. – Clermont-Ferrand: Presses Univ. Blaise Pascal, 1994. 478 p.
20. Orlandi E.P. *Discours et argumentation – un observatoire du politique / Des Mots en liberté. Mélanges offerts à Maurice Tournier*. [sous la dir. de P. Fiala, P. Lafon]. – Paris: ENS Editions, 1998. 558 p. Pp. 91-96.
21. Pons A. *Les fondements rhétorico-philosophiques des traités de savoir-vivre italiens du XVIe siècle // Histoire de la rhétorique dans l'Europe moderne (1450-1950)*. [sous la dir. de M. Fumaroli]. – Paris: Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 411-430.
22. Weil S. *Trésors de la politesse française*. – Paris: Belin. 2011. 255 p.

References

1. Averintsev S.S. *Antichnyy ritoricheskiy ideal i kul'tura vrozhdeniya* [Classical Rhetoric Ideal and Renaissance Culture] / Averintsev S.S. *Ritorika i istoki evropeyskoy kul'turnoy traditsii* [The Rhetoric and the origins of European literary tradition]. – Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. Pp. 347-363.
2. Aristotel'. *Ritorika. Antichnye ritoriki* [Rhetoric. Ancient rhetorician]. <http://www.lib.ru/POEE-AST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> (accessed January 15, 2015).
3. Bragina L.M. *Ot etiketa dvora k pravilam povedeniya srednikh sloev: «kniga o pridvornom» Bal'dassare Kastil'one i «Galateo, ili o nrvakh» Dzhovanni Della Kaza* [From court etiquette to good manners of the bourgeoisie: a book by Baldassare Castiglione «The Courtier» and «Galateo: Or, The Rules of Polite Behavior» by Della Casa] // *Dvor monarkha v srednevekovoy Evrope: yavlenie, model', sreda*. Vyp. 1. [Royal court in medieval Europe: phenomenon, model, customs. Vol. 1]. [Pod red. N.A. Khachatryan]. – Moscow, Saint-Petersburg: Aleteyya, 2001. Pp. 196-214.
4. Neklyudova M.S. *Iskusstvo chastnoy zhizni: Vek Lyudovika XIV*. [The Art of Private Life: The Age of Louis XIV]. – Moscow: OGI, 2008. 440 p.

5. Anheim E. *Culture de cour et science de l'État au XIVe siècle / La Science de l'État*, Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 2000, no.133. Pp. 40-47.
6. Castiglione B. *Le Livre du Courtisan*. – Paris: Flammarion, 1999. 404 p.
7. Dejean J. *Du style*. – P.: Bernard Grasset, 2006. 315 p.
8. Devincenzo G. *Le Livre du Courtisanen France aux XVIe et XVIIe siècles // Tradurre*. Bari: B.A. Graphis, 2007. Pp. 65-75.
9. Duby G. *Les trois ordres ou imaginaire du féodalisme*. – Paris: Gallimard, 1978. 428 p.
10. Febvre L. *Autour de l'Heptaméron. Amour sacré, amour profane*. – Paris: Gallimard, 1944. 323 p.
11. Foucault M. *Histoire La volonté de savoir*. – Paris: Gallimard, 2006. 144 p.
12. Foucault M. *Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977-78)*. – Paris: Gallimard/Seuil, 2004. 435 p.
13. Garin E. *L'Éducation de l'homme moderne. La pédagogie de la Renaissance (1400-1600)*. – Paris: Hachette, 2003. 270 p.
14. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. – New Jersey: Aldine Transaction, 2005. 280 p.
15. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. 2005. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/converser> (accessed January 25, 2015).
16. Jørgensen M. *Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method*. – London: Sage, 2002. 229 p.
17. Lemaitre N. *Quand les cardinaux inventent le pouvoir culturel / Histoire et littérature de l'Europe du Nord-Ouest*. 2009, no.40. Pp. 289-301.
18. Montandon A. *Pour une histoire des traités de savoir-vivre en Europe*. – Clermont-Ferrand: Presses Univ. Blaise Pascal, 1994. 478 p.
19. Orlandi E.P. *Discours et argumentation – un observatoire du politique / Des Mots en liberté. Mélanges offerts à Maurice Tournier*. [sous la dir. de P. Fiala, P. Lafon]. – Paris: ENS Editions, 1998. 558 p. Pp. 91-96.
20. Pons A. *Les fondements rhétorico-philosophiques des traités de savoir-vivre italiens du XVIe siècle / Histoire de la rhétorique dans l'Europe moderne (1450-1950)*. [sous la dir. de M. Fumaroli]. – Paris: Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 411-430.
21. Weil S. *Trésors de la politesse française*. – Paris: Belin. 2011. 255 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шейпак Светлана Александровна, доцент, канд. пед. наук, доцент кафедры ин. языков филологического факультета

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Россия

E-mail: svetlana.sheipak@gmail.com

SPIN-код: 5891-2184

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sheypak Svetlana Alexandrovna, PhD in Education, associate professor of the Department of Foreign Languages, the Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

E-mail: svetlana.sheipak@gmail.com

Рецензент:

Михеева Н. Ф., Зав. кафедрой иностранных языков филологического факультета, д.ф.н., профессор, академик МАН ВШ, Российский университет дружбы народов